

ЭВФЕМИЗМЫ И ДИСФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОРДОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Водясова Любовь Петровна

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВПО "Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева"

профессор

Аннотация:

В статье рассматриваются эвфемизмы и дисфемизмы как средства создания эмоциональности художественного текста. Автор указывает, что эвфемизмы употребляются для завуалирования грубых, нежелательных для данной обстановки слов, дисфемизмы, напротив, используются для передачи недоброжелательного, грубого отношения говорящего к другим лицам, в целях осуждения, порицания, показа пренебрежительного отношения. Благодаря им, художественный текст становится стилистически насыщенным, более эмоциональным.

Abstract:

This article analyzes the euphemisms and dysphemism as a means of creating emotionality of the artistic text. The author points out that euphemisms are used to hide gross, unwanted for the environment of words, dysphemism, by contrast, are used to transmit an unfavourable, mistreatment of speaking to others in order to censure, reprimand, showing neglect. Thanks to them, the artistic text is stylistically saturated, more emotional.

Ключевые слова:

художественный текст; троп; эвфемизм; дисфемизм; эмоция; эмоциональность

Keywords:

artistic text; trope; a euphemism; dysphemism; emotion; emotionality

УДК 811.511

Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта "Эмотивность текста как отражение эмоционального мира человека и способы ее репрезентации в мордовских языках" (проект 15-14-13004).

Эвфемизмы и дисфемизмы (дефемизмы, какофемизмы) издавна привлекали внимание ученых. Они, главным образом, рассматривались как особые виды тропов, которые помогают сделать текст более выразительным, эмоциональным.

Эвфемизмы в "Словаре лингвистических терминов" О.С. Ахмановой квалифицируются как "тропы, состоящие в непрямом, прикром, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления [2, с. 521].

Сопоставление картин понятийных сфер, подвергающихся эвфемизации, позволяет предположить, что стремление к замене отрицательного компонента обусловлено историческими и социальными фактами и варьируется в зависимости от национальных культур. В то же время, существует ряд отрицательных понятий, которые признаются всеми группами одного и того же общества и разными обществами близких культур в течение длительных исторических периодов. Так, например, С. Ульман идею смерти расценивал в

качестве основного мотива появления эвфемизмов [7]. А.М. Кацев в качестве универсальных стимулов выделяет страх, стыд, отвращение, указывая, что эти чувства во многом являются произвольными, в отличие от чувства стыда, который имеет социальные корни [6]. Мнение А.М. Кацева поддерживается и другими исследователями [4; 5].

В современных языках эвфемизмы имеют уже качественно иную природу и обуславливаются новыми социальными нормами общения и поведения, соблюдением норм приличия, нежеланием обидеть собеседника и т.п. Являясь иносказательными обозначениями предметов или явлений, в какой-то степени грубых, вульгарных, неприятных, воспринимаемых общественными кругами как неприличные, эвфемизмы находят применение во всех речевых стилях, прежде всего в художественной речи.

Достаточно активно эвфемизмы используются мордовскими писателями. В ткань художественного текста они вводятся, прежде всего, для того, чтобы прикрыть, завуалировать прямое выражение некоторых мыслей и эмоций героев. Так, например, чтобы завуалировать понятие *смерть*, слово *куломс* "умереть" писатели часто заменяют словами и словосочетаниями, имеющими или положительную оценку: *венемемс* "вытянуться", *седеезз лоткась чавомо* "сердце [его/ее] стучать", *тевензз тейневсть* "дела [его/ее] доделаны]", *оймезз лиссь* [его/ее] вышло", *тоначив тусь* "на тот свет ушел / ушла", *оймамс* "успокоиться" и т.д., или отрицательную, юмористическую: *карензз стявтынзе* "лапти расставил", *туемс моданть алов* "букв.: уйти под землю", *прамс эзем пряс* "букв.: упасть на скамейку" и т.д.: *Весе сюрдонзо-моргонзо невтизе нужась Катянь тетянстэнь-аванстэнь, ветинзе калмос – оймасть* (Ф. Чесноков) (Все свои занозины-сучки показала нужда родителям Кати, довела до кладбища – успокоились); *Несак веленть? – сэтьместэ пшкадсь сон [Надя] Гришанень. Зярдэ Гриша аволдась прясонзо, поладсь: – Тезэнь тон чачить, тесэ тонь покштят-бабат. Веенст жить, омбонстудыть оно тосо, несак: веленть томбале вирьпулось. – Гриша аволдась прясо. – Се калмазырь* (К. Абрамов) (Видишь село, – тихо сказала она [Надя] Грише. Когда Гриша кивнул головой, она продолжила: – Здесь твои бабушки и дедушки. Одни живы, другие спят вон там, видишь: за селом опушка леса. – Гриша снова кивнул головой. – Это кладбище). Подобные примеры связаны с народной традицией. Они указывают на то, что смерть нашими предками воспринималась как явление обычное и закономерное.

Достаточно частым случаем использования эвфемизма является морально-этический фактор. Запрет на произнесение некоторых слов и выражений накладывается рядом социальных и психологических причин. В обществе по социальным причинам не принято говорить о том, что представляется грубым или непристойным, соответственно, слова, обозначающие эти явления, не употребляются интеллигентными людьми. Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева в этой связи указывают, что "всякое социальное поведение (в том числе и речевая деятельность) регламентируется определенными правилами, нормы речевого поведения относятся к сфере молчаливых соглашений между коммуникативно-обязанными членами общества" [1, с. 3].

Причиной появления большинства эвфемистических переименований является чувство неловкости, неудобства, стыдливости, которое вызывает обсуждение "закрытых" сфер существования человека. Парадокс в том, что такие "запретные" сферы бытия человека, как интимная жизнь, названия половых органов, физическая либо умственная неполноценность, находятся в самом центре жизненных интересов человека. Общество веками воспитывало в людях презрительно-стыдливое отношение к так называемым "низменным, животным" потребностям человека. Правомерно сказать, что ни один человек при выборе наименования для объекта окружающей действительности не свободен от выбора между понятиями "пристойности" / "непристойности". Так, неприличным считается называть некоторые физиологические процессы и состояния: *Понкс одарстонзо кармась кольгеме ведь. Кие соды, мезе седе ламо чудесь Гараень эйтэ: верь, сельведь эли одарстонть. – Ну, мень прахонь помянт, коли пачкат ведь кольги, а? – пееди Гроша атя* (А. Куторкин) (Из портков (букв.: из вымени портков) стала течь вода. Кто знает, чего больше текло с Гарая (Герасима): крови, слез или из порточков (букв.: вымени). – Ну, что за ты человек, если из тебя вода течет? –

посмеивается старик Трофим). Писателями часто заменяются некоторые слова, служащие для обозначения частей тела. Их прямое звучание в определенной обстановке считается непристойным. Новое завуалированное слово считается более вежливым, мягким. Например, слово *потя / поте* "молочная железа" заменяется словом *мяште / меште* "грудь": *Алак учсек аварьгодсь кроваткаса Юрканясь – пиженя нингэ сон, аф война тейнза, аф морот аф зрявихть, аньцек тядянци лямбе мяштец повоза чмокни тьрванянзон еткс* (М. Кяшкин) (Неожиданно в кровати расплакался Юрочка – он совсем еще маленький, ни война, ни песни ему не нужны, лишь бы попалась в губки теплая грудь матери); – *Аст спасибо Анна щакати: лездсь тага. Вьдь монга... нуворгодсь сон – лиссть мяштезонза кафта оржа бугорнят* (А. Левчаев) (– Скажи спасибо тете Анне: помогла опять. Ведь и я... – застыдилась она – на груди у нее выступили два острых бугорка). Словом *мяште / меште* "грудь" стилистически нейтрально, выражение *оржа бугорнят* "острые бугорки" привносит в текст больше эмоциональности. Выражение *пеки / пекиязь* "беременная" заменяется словами *пяшксса / пешкссесэ* "букв.: полная (чем-н.)", *оцю пеке / покш пеке* "букв.: большой живот": *Лятфнезе [Вара] виденцяманц: – Ваня, кульке, мон пекиян* (М. Бебан) (Вспоминала свое признание [Вара (Варя)]: "Ваня, послушай, я беременна"); *Лядсть мялезонза [Варань] фельдширнять валонза: "Да тон пяшкссат од стирьбрысот"* (М. Бебан) (Вспомнила [Вара (Варя)] слова фельдшера: "Да ты беременна, девушка"); *Работама козонга аф примасамазь, киндинге аф зряви оцю пеке мархта авась* (В. Радин) (Работать никуда не берут, никому не нужна беременная (букв.: с огромным животом) женщина). Слово *пеки* является основным для выражения данного значения, оно стилистически нейтральное, эвфемизмы *пяшксса* "букв.: полная (чем-н.)", *оцю пеке* "букв.: большой живот" эмоционально более насыщены.

В связи со стремлением к эвфемизации писатели создают своеобразные ряды синонимов. Таковы, например, имена прилагательные, *сире / сыре* "старый" – *аф од / аволь од* "немолодой", "неновый". В целях скрытия возраста чаще прибегают к замене лексемы *сире / сыре* "старый" словом *аф од / аволь од* "немолодой", соответственно, вместо лексемы *сиредемс / сыредемс* "состариться" употребляют слово *таштомомс* "зачерстветь" в значении "состариться". Эти слова включают в себя эмоцию почтительности, но на возраст не указывают: – *Ваттакась, брат, тонга таштомоть* (А. Левчаев) (– Смотри-ка, брат, и ты состарился). Глагол *таштомомс* "зачерстветь", "состариться" звучит гораздо мягче и не так резко подчеркивает возраст, как слово *сиредемс / сыредемс* "состариться". Подобные синонимические отношения устанавливаются с целью смягчения нежелательных грубых слов и выражений вследствие требований этикета.

Иногда в произведениях самые обыкновенные слова принимают неожиданный смысл. Как указывает Р.Н. Бузакова, "это предпринимается с той целью, чтобы скрыть прямое значение слов" [3, с. 66]. Так, в романе А. Куторкина "Раужо палмань" ("Черный столб") внук спрашивает деда: – *Дедай, алкукс монь Ков алдо муимизь? – Мень прахонь Ков алдо? – буркстась Троша атя. – Косто эно, дедай, – ертсь Гарай толпандянть лангс пенгеть. – Налт-апарт содыть, – коцькери сакалсонзо Троша атя. – Аволь мон муитинь... Тетят-ават ... – Кода, дедай? – Алак кода – плетязь. Пандя лангсемс. Одат ды ламо содат* (А. Куторкин) (Дедушка, правда меня нашли под Луной? – Какого шута под Луной? – буркнул дед Трофим. – Откуда же, дедушка? – подбросил Гарай (Герасим) дрова в костер. – Нечистые знают, – скребет бороду дед Трофим. – Не я нашел... Отец с матерью... – Как, дедушка? – Не соткали, а сплели. Хватит болтать. Молод да много знаешь). Здесь автор играет значениями многозначных слов и омонимов: кода "как" – наречие, *алак кода* "не соткав" – деепричастие. Также используется многоточие, которое недосказывает настоящую мысль, смягчает выражение.

Принцип вежливости лежит в основе образования эвфемизмов, скрывающих физические или умственные недостатки. Так, вместо оскорбительного слова *дурак* писателями употребляются следующие слова и выражения: *превтеме* "букв.: безумный, безмозглый", *чаула / чавола* "пустой", *чаво мешоксо вачкодезь* (риштязь) "пустым мешком стукнутый (ударенный)", *угол пестэ вачкодезь* "из-за угла стукнутый", *ормань колавт* "болезнью испорченный", *чаво мако*

"пустой мак", *чаво пря* "пустая голова" и пр.: – *Содазь, дугай, мон бу аволинь туге, но тон эсь чаула прясот чарькодик сень: арази тынь, ават-церат, тесэ, велесэ зрязь, монень трявтадо?* (В. Коломасов) (Понятно, подруга, я не уехал бы, но ты своей пустой головой пойми то: разве я смогу вас, маму с сыном, прокормить здесь, оставаясь в деревне?); **Превтеме!** *Секе чивалдось эйсэть, конась вальмасо!* (А. Доронин) (Безмозглый! Тот же свет в тебе, который в окне!).

Эвфемизмам противоположны дисфемизмы. В "Словаре лингвистических терминов" О.С. Ахмановой дается следующее определение: дисфемизм (дефемизм, какофемизм) – это "троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым" [2, с. 137].

Дисфемизмы служат для выражения отрицательного отношения к предмету, лицу, к его действиям. Писателями чаще всего употребляются для характеристики персонажей. Так, например, о неприятном человеке говорят *нулгодькс / аеркс* "противный, мерзкий": – *Карман хуш содама: фкянулгодькс модать лангса машфтонь, сяда аруай кожфське* (М. Моисеев) (– Буду хоть знать: одного мерзкого человека на земле уничтожила, свежей воздух будет); *Синь васьфттядязь шобда ужеса... Аф карман мархтот зряма! Аеркс!* (М. Моисеев) (Они встретят тебя в темном углу... Не буду с тобой жить! Противный!). В роли дисфемизмов иногда выступают слова, употребляемые в переносном значении, в тексте они звучат как грубые, просторечные, хотя если рассматривать их по отдельности, это нейтральные слова. Таковыми, прежде всего, будут номинации животных, используемые для характеристики людей. Выражая гнев с их помощью, человек пытается обидеть собеседника, указывая на его умственную неразвитость. Конечно, это больше аффективная эмоция, целью которой является выражение недовольства: *У-у, саразонь пуярмо!* ... (А. Доронин) (У-у, куриный желудок! ...); *Вый, лытыця пине, ды Инечись курок токи* (А. Доронин) (Эх, пес бродячий, да Пасха скоро уже наступит); – *Вантакая, эзятнень модаст лангсо азорокс прянзо невти. У-у, кискань одар!* ... (А. Доронин) (Смотрите-ка, на земле эрзянской хозяином себя показывает. У-у, вымя собачье!...); *Содандярясы Ремза – кандан тядязти кочам кишиня али тага мезе-мезе, пяляз вьръгазкс комоти лангозон, тядязень кодама туткотькс валса аф лемнесы. Къле, урадомаське аф сяссы сире кранчть* (М. Моисеев) (Когда Ремза узнает – несу матери помочь хлеба или еще чего-нибудь, как бешеный волк набрасывается на меня, маму какими только мерзкими словами ни обзывает. Говорит, и смерть не возьмет старую ворону)". В последнем примере выражение *пяляз вьръгаз* "бешеный волк" автор употребляет с целью показа неприязни жены по отношению к мужу, а словосочетание *сире кранч* "старая ворона" выражает недоброе отношение того к теще. Иногда писатели сравнивают персонажей с представителями растительного мира: *Ви-тев, ви-тев пурдак, назем панго!* (А. Доронин) (Вправо, вправо поворачивай, гриб земляной!); *А уш те сыре поспангось ансяк эсь прянзо теизе пейдемакс. Каванямс, келя, илейсэ* (В. Коломасов) (А уж этот старый гриб-дождевик только себя на посмешище выставил. Угостить, мол, прутьями).

Дисфемизмы не всегда выражают отрицательное отношение к персонажу. Иногда они используются для выражения юмористического смысла. Например, вместо слов-синонимов *идь / эйде, эйкакш, пакша, шаба* "ребенок" может употребляться выражение *кептерь пеке тетьмак*: *Ванан Елена Федосеевна лангс и аф орвашка алякс нийса прязень, а кептерь пеке тетьмакокс* (А. Тяпаев) (Смотрю на Елену Федосеевну и не взрослым мужчиной чувствую себя, а ребенком-пузанком (букв.: с животом, словно корзина).

Приемы дисфемизации довольно разнообразны. Так, вместо слова *шачфтомс / чачтомс* "родить" часто употребляется грубоватое *раштамс* "размножаться", "плодиться", используемое обычно по отношению к животным: *Ровна вейхкса ковонь етазь, раштазе колмоце стирть* (А. Тяпаев) (Ровно через девять месяцев родила третью дочку). Вместо лексемы *куломс* используется грубое слово *урадомс / врадомс* "подыхать": *Мон проксурадома афи сьрхксень, а синь ловажатнень еткс грохадемазь* (М. Моисеев) (Я совсем подыхать не собирался, а они к мертвецам [меня] грохнули). Вместо слова *сюцемс /*

севномс "браниться" прибегают к употреблению словосочетания *сюцемс равжа* (или *пяндра валса* "ругаться бранными словами": *Тяда меле етась вона мъзяра киза, коста-коста пях кяхикс няендихтень, Илья Максимович, но эздот фкявок **ърдазу вал** ашень куле* (В. Радин) (С того времени прошло много лет, иногда очень сердитым видел тебя, Илья Максимович, но ни разу ругательного (букв. грязного) слова не слышал); *Мъзярда мърдань войнаста, шра ваксса ярхцамста тядязень, алязень пингста сьака тев пярсть кургстон **пяндра валхт*** (В. Радин) (Когда вернулся с войны, за столом во время еды при матери и отце то и дело из моего рта сыпались ругательные слова). Вместо нейтрального слова *ярхцамс /ярсамс* "кушать, есть" часто встречаются лексемы *поремс* "грызть", "жевать", *сускомс* "надкусить", "перекусить", *теткомс* "наедаться до отвала", "переедать", "жрать": *Тядяц пееди, озафтомань шрать ваксс пачада **ярхцама*** (А. Тяпаев) (Мама [его] улыбается, посадила меня за стол блины кушать). Глагол *ярхцамс* "кушать" – основное слово для выражения данного значения, оно стилистически нейтральное, обозначает обычное действие; *Сивольда, къле, **порема** аньцек пукшеда, а кшида – равженяда* (А. Тяпаев) (Мясо, говорят, есть (букв.: жевать) надо только мягонькое, а хлеба – черненького); *Обедста алятне, аватне капать эшксс озсихть **сускома**, а тейнек, иттненди, кодама ярхцама эшелямафтома?! (В. Лобанов)* (В обед мужчины, женщины около стога сена садятся перекусить, а нам, детям, какая еда без купания). Слово *сускомс* "перекусить" обозначает "немного поесть, перекусить". Глагол *теткомс* "наедаться до отвала", "переедать", "жрать" употребляется писателями в том случае, когда речь идет о еде, потребляемом с жадностью, в большом количестве. Он обычно характеризует какого-либо персонажа и обозначает отношение к нему со стороны автора или других персонажей произведения: *И ширде прихожайста-коста али оцю комнатаста тага кулендевсь Людмила Николаевнань вайгялец: **"Тетькода, тетькода! Да эсь мельгант урядасть шра лангть, штасть тарелкань бес!"*** (М. Моисеев) (А со стороны прихожей или из большой комнаты снова послышался голос Людмилы Николаевны: "Жрите, жрите! Да за собой уберите стол, вымойте [до последней] тарелки").

В заключение следует отметить, что эвфемизмы и дисфемизмы широко используются в произведениях мордовских писателей. Эвфемизмы употребляются в целях завуалирования грубых, нежелательных для данной обстановки слов, дисфемизмы, напротив, используются для передачи недоброжелательного, грубого отношения говорящего к другим лицам, в целях осуждения, порицания, показа пренебрежительного отношения. Благодаря им, художественный текст становится стилистически насыщенным, более эмоциональным.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики: вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып.16. – С. 3-25.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 669 с.
3. Бузакова Р.Н. Стилистическая функция экспрессивных слов в мордовских языках // Материалы Всерос. науч. конф. финно-угроведов "Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки". – Саранск: Крас. Окт., 2000. – С. 65-67.
4. Бутяева О.Г. Прагматика и семантика эвфемистической лексики (на материале эрзянского языка) // Финно-угристика-6. – 2005. – С. 40-47.
5. Водясова Л.П. Формирование языковой цельности текста в современных мордовских языках // Вестник Угроведения. – 2011. – № 4 (7). – С. 9-14.
6. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социолингвистического описания): дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 293 с.
7. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. – М., 1970. – С. 250-294.

